

ALEKSANDER KIKLEWICZ
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АВАНГАРДИЗМ В ЯЗЫКОЗНАНИИ XXI ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

В основе постмодернизма лежат такие направления современной философии, как психоанализ, феноменология, семиотика. Хотя постмодернизм упоминается преимущественно по отношению к современным течениям художественной литературы и искусства, он охватывает современную культуру в целом, включая средства массовой информации, политику, международные отношения, архитектуру, обычаи, религию, а также науку. Характеристика постмодернизма, данная в фундаментальной монографии Фредрика Джеймисона (Jameson 1991), соответствует основным тенденциям в современных гуманитарных науках. Прежде всего этого касается факта, что в филологических науках во второй половине XX века произошла смена парадигм, сущность которой афористически выразил Юрий Н. Караулов (1989: 5): с точки зрения структурализма за каждым текстом стоит система языка, а с точки зрения постструктурализма за каждым текстом стоит говорящая личность. Сущность новой парадигмы можно определить ссылкой на интерпретационизм (как ее главный подход), основной тезис которого Валерий З. Демьянков формулирует так: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» (1999: 6).

Сторонники «когнитивно-концептуальной парадигмы», как ее определяет Мария Л. Ковшова (2013: 47), открыто ссылаются на постмодернизм как философский фундамент. Так, Эльжбета Табаковская (Tabakowska 2001: 26) пишет о постструктурализме в языкознании как об «антиаристотелевской революции», раз-

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АВАНГАРДИЗМ...

рушающей рациональные основы науки. Суть постмодернистской интерпретации текста заключается, по ее мнению, в том, что

теряют значимость нормативные ограничения, обеспечивающие успешность социальной коммуникации. Такой радикальный методологический релятивизм допускает множественность интерпретаций одного и того же текста без учета каких-либо критериев их оценки или верификации (там же, 27).

По мнению Табаковской, философские и теоретические основы лингвистического когнитивизма «поразительно схожи с теорией деконструкции в литературоведении». С современной точки зрения классическая система логической аргументации оценивается как исчерпавшая себя и не отвечающая потребностям научного сообщества.

Ирэн Бобровский, будучи сторонником «рациональной лингвистики», квалифицирует постмодернистский авангардизм в языкознании как «анархическую концепцию знания», в основе которой лежат неконвенциональные способы интерпретации действительности (Bobrowski 1998: 36). Главный недостаток постмодернистских теорий языка Бобровский видит в том, что они не предусматривают верификации или фальсификации утверждений (Bobrowski 1995: 19).

Истоки постмодернизма в гуманитарных науках можно усматривать в том, что в середине XX века существенно изменились социально-культурные условия функционирования языков и текстов. Александр Генис в передаче Радио Свобода вспомнил один из афоризмов недавно умершего писателя Фазиля Искандера: «Верь в разум в разумных пределах». Хотя Искандера трудно причислить к постмодернистам, его высказывание высвечивает один из основных элементов постмодернистского мировоззрения. Сегодня новые электронные технологии способствуют передаче огромных потоков информации, которые превышают когнитивные возможности отдельного человека. Процессы переработки информации обусловлены слишком большим числом переменных, чтобы можно было их перечислить, а тем более описать с использованием единой алгоритмической модели. В этих условиях ключевой топос структурной лингвистики «от языковой системы к речевой реализации» утратил свой универсальный, моделирующий смысл. Большинство ученых переста-

ло интересоваться анализом понятий, который был фирменным знаком неопозитивизма, аналитической философии и структурной семантики. Исследования стали переориентироваться в соответствии с требованием целесообразности: в новой, антропоцентрической парадигме¹ предметом рефлексии стали, в первую очередь, предпосылки и ситуации употребления знаков. Они определяют те «разумные пределы», о которых писал Искандер и которые ограничивают возможности логического, алгоритмического анализа объектов науки. Уже упомянутая выше Табаковская заявила: «Когнитивная лингвистика — это шанс для людей с воображением» (Tabakowska 1995: 5).

С постмодернизмом как общим течением в культуре согласуется подход к изучению языка, основанный на сенсуализме и эмпиризме, а также функциональном прагматизме. Эта эмпириоцентрическая составляющая современного постмодернизма в языкознании представлена такими направлениями, как прагмалингвистика, разговорный анализ, критический анализ дискурса, интеркультурная лингвистика, функциональная стилистика, включая ее частные направления (такие, как медиалингвистика, юрслингвистика, эколингвистика, теолингвистика, политическая, гендерная лингвистика и др.). В наиболее радикальных теориях (таких, как коммуникативная грамматика) роль языкового фактора в процессах передачи информации подчинена социальному, интерактивному компоненту, в частности, коммуникативному принципу релевантности.

1. МОТИВАЦИОННЫЕ КОНТЕКСТЫ

Общая иррациональная установка постмодернизма проявляется в частных характеристиках когнитивного стиля, культивируемого в дискурсах нового типа — таких, как полезависимость, широкий диапазон эквивалентности, сканирующий контроль, импульсивность и др. (подробнее о когнитивных стилях см.: Холодная 2002: 37 и др.). Характерным явлением постмодернистской перцепции является перенос фокуса с центра на периферию, с фигуры на фон. Преференция, своего рода нобилитация маргинальных,

¹ Александр Генис пишет о новой парадигме как об экологической: на место механистического пришел экологический принцип системности, взаимосвязанности (2002: 306).

периферийных свойств объекта проявляется в дискурсах различного рода. Например, немецкая региональная газета «Erlangene Nachrichten» в 2007 году опубликовала объявление о концерте Монсеррат Кабалье, в котором специально сообщается о планируемом после концерта ужине и возможности провести вечер в обществе певицы в ресторане. Французский телеканал Mezzo привлекает внимание не только трансляциями музыкальных спектаклей, но и — возможно, даже в большей степени — вещанием из-за кулис. Современные языковеды, руководствуясь подобным принципом, переносят внимание с текста как продукта языковой (или речевой) деятельности на мотивационные контексты, т.е. психологические, прагматические, социальные и культурные предпосылки его возникновения и функционирования².

Рис. 1. Мотивационные контексты речевой деятельности
(источник — автор статьи)

Новая аспектация онтологии языка означает новые перспективы и новую постановку задач: во-первых, это сформу-

² Подобная смена акцентов объясняется возросшим в XX веке интересом к изучению речевой деятельности, к категории узуса. «Узус усваивается носителем как целостное знание, которое включает в себя и знания собственно лингвистического характера, и определенную классификацию речевых ситуаций, соотносимую с подходящим для каждой из ситуаций набором средств выражения, и общие принципы употребления этих средств, позволяющие экстраполировать их ситуации, не предусмотренные исходной (усвоенной) классификацией. [...] Описание речи (текста) требует установления тех факторов (социальных, культурных, прагматических), которые обуславливают смену регистров, т.е. выбор тех или иных правил, необходимых для осуществления определенного ситуационного задания» (Живов/Тимберлейк 1997: 13).

лированный Александром Е. Кибриком принцип «от описания к объяснению» (1999: 36 и др.)³, в котором можно усматривать отражение общей, характерной для постмодернизма тенденции к рефлексивности (см. Hochbruck 1995); во-вторых, это лингвистическая (т.е. с использованием языковых данных) реконструкция мотивационных контекстов. В последние десятилетия в Восточной Европе и Средней Азии появилось огромное число лингвистов, которые стали позиционировать себя как когнитивисты, лингвокультурологи, этнопсихологи и т.д.

Характерной чертой эпохи структурализма была междисциплинарность: в первой половине и середине XX века осуществлялся трансфер структурных моделей из области языкознания в другие области: литературоведение, эстетику, культурологию, антропологию, семиотику, о чем свидетельствуют такие феномены, как русская или чешская формальная поэтика, антропология Клода Леви-Стросса, этнология Пьера Бурдьё и др.⁴ В постмодернистской картине мира языкознание потеряло статус исходного, т.е. моделирующего домена (*source domen*) и стало рассматриваться как целевой домен (*target domen*), т.е. как область проецирования понятий и категорий психологии, социологии, антропологии и т.д.⁵ Кроме того проекции структурных моделей (например: языковой код // генетический код) основывались на симметрии функциональных систем, тогда как современные исследователи склонны усматривать в сходствах проявление причинной обусловленности, что и позволяет говорить об объяснительной функции экстралингвистического знания применительно к лингвистическому.

Широкое увлечение паралингвистической (экспланаторной) проблематикой можно объяснить несколькими причинами: во-первых, в лингвистической среде сформировалась стихийное представление о том, что глобальная собственно лингвисти-

³ Демьянков определяет этот подход как экспланаторный. Он пишет: «Интерпретативный же анализ стремится к 'экспланаторному' пониманию, выходящему за рамки каталогизирования языковых единиц и правил их комбинирования; важно переосмыслить уже осознанные отношения, стоящие за фактами» (1999: 11).

⁴ Структурализм и структурная семиотика, по мнению Бориса Гаспарова (2002), кроме того служили источником академического диссидентства.

⁵ Демьянков (1999: 6), однако, пишет, что «оборотной стороной [...] интерпретативного поворота (в гуманитарных науках. — А.К.) стал интерес к межличностной коммуникации в науках о человеке».

ческая проблематика исчерпана: написаны фундаментальные грамматики, многотомные (в том числе и специальные) словари, учебники, справочники, а новые формы лингвистического знания (как, например, корпусная грамматика) не вносят принципиально новой информации⁶. Во-вторых, на тематическое профилирование лингвистических исследований значительно влияет грантовая политика, для которой характерна установка на наиболее инновационные, авангардные, по своему содержанию междисциплинарные и аппликативные проекты. Наконец, в-третьих, как бы следуя феноменологическому призыву Эдмунда Гуссерля «Назад к предметам!», лингвисты обратились к изучению аутентичных форм языковой компетенции и аутентичных ситуаций употребления языка, синергических по своей природе, т.е. вовлеченных в психологические, прагматические, социальные и культурные мотивационные контексты. Современное положение в лингвистике с ее главным трендом: «Описывать то, что нужно, так, как можно»⁷, имеет амбивалентный характер: с одной стороны, очевидны недостатки метода и тот факт, что желание опережает операциональные возможности; с другой стороны, оправданием и одновременно аргументом является ссылка на реализм и аутентичность.

2. СИМУЛЯЦИЯ

Общей установкой постмодернизма является иррационализм и критическое отношение к научному знанию. Господствующим

⁶ Такая установка небезопасна для молодых лингвистических традиций, например, для языкознания в Казахстане. Айгуль К. Жумабекова и Людмила Т. Килева (2015: 202 и др.) представили обзор современных направлений в казахстанском языкознании, в частности, таких, как этнолингвистика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, лингводидактика и др. В то же время отсутствует информация о публикациях в области описательной и исторической грамматики, морфонологии или семасиологии. Оценивая эту ситуацию в целом, можно констатировать, что основное внимание уделяется внешней лингвистике, тогда как собственно лингвистическая проблематика исследована недостаточно.

⁷ Напротив, для структурного языкознания, как пишет Демьянков, была характерна «тяга к достижению 'научных' стандартов точности — стандартов точных наук; престижным считалось [...] заниматься естественными науками, и 'структурная лингвистика', как полагали, в наибольшей степени соответствовала этим стандартам» (1995: 243).

стало убеждение, что мир нельзя познать, но можно его интерпретировать в терминах произвольно выбранной концептуальной системы (ср. англ. *mapping* как одно из центральных понятий современной когнитологии). Вследствие этого на первый план выдвигается симуляция — культивирование субъективных образов и моделей окружающих объектов независимо от их объективной репрезентации (подробнее о теории симулякров см.: Baudrillard 1981; Galdarola 1994; Gómez 2011 и др.). В том же духе сторонники теории конструктивизма постулируют, что произвольные по своей природе ментальные образы программируют человеческое поведение (см. Fleischer 2008: 42).

Упомянутые в предыдущем пункте процедуры: объяснение и реконструкция, — встречаются в практике немало трудностей. Во-первых, речевые сообщения и тексты не являются непосредственно продуктами мотивационных контекстов — важное место занимает собственно структурный, комбинаторный компонент как область действия единиц, выполняющих, по Майклу А.К. Хэллidayю, текстовую функцию (Halliday 2002: 90). Во-вторых, мотивационные контексты не укладываются в какую-либо систему с единым основанием и порядком взаимодействия отдельных модулей — напротив, они часто действуют в разных направлениях как диаметрально противоположные факторы языковой деятельности. Например, это касается идеологических (манифестируемых) и прагматических (культивируемых) установок; ср. также идею распределения знания у Петера Бергера и Томаса Лукмана (1995, 79). Поэтому сосредоточение внимания на отдельных мотивационных контекстах представляет собой такую же форму редукционизма и гипостазирования, как и культивирование структурных моделей. Например, стремление лингвокультурологов объяснить факты языковой деятельности «психологией народа» или (конвенциональной) «картиной мира» противоречит действительности, а именно — той роли, которую в процессах номинации и процессах сочетаемости знаков играет прагматический (и нередко окказиональный) фактор. В том же духе когнитивисты оставляют без внимания социальную и культурную составляющие процессов категоризации опытных данных, на что обратил внимание Мишель Лизенберг (Leezenberg 2001: 135).

В-третьих, как было показано в работе *В каком смысле язык детерминирован культурой? О предмете и границах лингво-*

культурологии (II) (Kiklewicz 2016), мотивационные контексты необязательно проявляются в плане содержания языковой деятельности. С точки зрения социологии знания для языковых знаков характерна «отдаленность от непосредственных проявлений субъективности и опосредованное присутствие субъекта» (Бергер/Лукман 1995: 65 и др.), а взаимосвязь между идеальными (т.е. ментальными и языковыми) и реальными (т.е. социальными) факторами человеческого поведения носит, преимущественно, регулятивный характер.

Поэтому, действуя в соответствии с принципом «Описывать то, что нужно, так, как можно», лингвисты ограничиваются общими и поверхностными апелляциями к мотивационным контекстам, а междисциплинарные проекции сводятся к трансферу терминов, разного рода тегов из области социологии, когнитивной психологии, антропологии и т.д. Такого рода апелляции обнаруживает очередное свойство культуры постмодернизма — дилетантизм: у большинства лингвистов отсутствует специальная компетенция в области психологии, социологии, антропологии, поэтому обычно мы имеем дело с симуляцией. Например, Ковшова определяет культуру

как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов (Ковшова 2013: 70).

Культура сводится здесь к репрезентирующим человеческую деятельность знаковым системам и без них не мыслится (см. также: Шмелев 2016). Это — слишком узкий, лингвоцентрический подход, который никоим образом не исчерпывает понятия культуры (достаточно сослаться на обзор концепций в работе: Kroeber, Kluckhohn 1952). С функциональной точки зрения под культурой следует понимать систему социальных институтов, функционально упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (на разных уровнях организации общества), а также соответствующих им ментальных форм репрезентации внешней действительности, инструментов и продуктов деятельности (артефактов).

В монографии Алана Сокала и Жана Брикмонта (Sokal, Bricmont 1998: 27) хорошо показано, как трансгрессивная методо-

логия реализуется в публикациях современных французских философов (Жана Лакана, Жана Бодрийера, Жюль Делеза, Жана-Франсуа Лиотара, Феликса Гваттари, Юлии Кристевой, Бруно Латура и др.). Апелляция к математике носит здесь совершенно симулятивный характер. По словам Сокала, Бриксмонта, ученые этого направления употребляют псевдонаучный жаргон, демонстрируя отказ от общепринятых в науке норм аргументации, т.е. иррационализм и своего рода нигилизм. В литературе можно встретить резко критическую оценку этой формации как «интеллектуального мошенничества» (Субетто 2003: 485).

Подобным же образом в лингвистике результаты анализа коллокаций (т.е. дистрибутивного анализа, как он был сформулирован несколько десятилетий тому назад) интерпретируются с психологической или антропологической точки зрения (Жумабекова, Килева 2015: 115): отныне типы сочетаемости лексических единиц означают слоты в структуре фрейма, элементы содержания культурных концептов, идеализированные когнитивные модели и т.д. За новой парадигмой скрывается подмена слов: вместо «значения» употребляется «концепт», вместо «системы языка» — «языковая картина мира», вместо «языковая компетенция» — «языковая личность», вместо «текста» — «дискурс». Бранко Тошович с иронией пишет, что дискурс в лингвистических публикациях стал настолько широким и амбивалентным понятием, что, «сейчас [...] не важно, что является дискурсом, а наоборот: что не является дискурсом» (2014: 20). Подобным же образом (большее в Польше, чем в России) распространение получили «концептуальные метафоры», хотя попытки психолингвистической верификации реальности предложенных Джоном Лакоффом и Майклом Джонсоном (Lakoff, Johnson 1980) когнитивных моделей (или проекций) типа ЭМОЦИЯ — ЭТО КОНТЕЙНЕР не дали однозначных результатов (см. Gibbs, Matlock 1997)⁸.

⁸ Это подтверждает правоту высказывания Аркадия Б. Мигдала: «Существует заблуждение, будто ценность научного открытия измеряется тем, насколько оно ниспровергает существующую науку. Значительность научной революции в ее созидательных, а не разрушительных возможностях, в том, какой толчок она дает развитию науки, какие новые области открывает. Очень часто при этом основные представления предшествующей науки остаются неизменными» (Мигдал 1982; разрядка моя. — А.К.).

Явление, с которым мы имеем здесь дело, соответствует понятию трансфузии. Марек Кучинский (*Kuczyński 2004: 171*) определил его как альтернативную номинацию с положительным ассоциативным содержанием, которое призвано оказать персуазивное (или фасцинативное) воздействие на субъектов. Трансфузия оказывается важным инструментом коммуникативного воздействия не только в средствах массовой информации, рекламе и пропаганде, но также и в гуманитарных науках: здесь спекуляция модными тегами служит созданию эффекта инновационности, актуальности, целесообразности и грантоспособности.

3. АБЕРРАНТНЫЕ ДИСКУРСЫ

Научный дискурс, в соответствии с его традиционным пониманием, имеет надличностный характер (*Wojtak 1999*): отправитель намеренно дистанцируется от передаваемого сообщения, выступая от имени сообщества ученых. Истинность научных утверждений объективна в том смысле, что опирается на методы, выработанные и разделяемые научным сообществом (*Dupré 2008: 61; Goćkowski 2009: 283*). Напротив, с постмодернистской точки зрения научный дискурс, подобно художественному, представляет собой творение индивидов, своего рода инсайт. Следствием этого является отказ от общепринятой методологии, а также массовое увлечение трансгрессивной интерпретацией одной предметной области в категориях другой. В этом состоит один из аспектов пресловутого культурного релятивизма.

Налагаемые на ученых обязательства связаны с тем, что результаты их деятельности прямо или косвенно затрагивают других людей. В случае гуманитарных наук целью является предоставление информации, необходимой для формирования знаний и убеждений членов сообщества, прежде всего о социально-культурной действительности. Предпосылка такого типа поведения, как можно предполагать, запрограммирована в повседневном общении, которое, согласно Герберту П. Грайсу (*1985: 222 и др.*), базируется на принципе кооперации, в особенности, на постулатах категории качества: 1) «Не говори того, что ты считаешь ложным»; 2) «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Нарушение этих правил означа-

ет либо отказ от сотрудничества с партнером, либо намек на то, что содержание, которое имеет в виду отправитель сообщения, не выражено дословно в его форме и структуре. Ни первый, ни второй тип нарушения не характерны для традиционного научного дискурса.

Постмодернистский релятивизм означает, что отправитель сообщения, вопреки принципу кооперации, руководствуется субъективными соображениями относительно того, как должны быть сконфигурированы элементы сообщений, независимо от того, будет ли его коммуникативный партнер (получатель сообщения) иметь доступ к семантическому аспекту сообщения. Подобным же образом получатель сообщения считает, что он имеет свободу интерпретации смысла независимо от системы значений, которые закодированы в языке в соответствии с семантической функцией знаков.

В результате такой установки появляется огромное количество аберрантных дискурсов, не поддающихся однозначной семантической интерпретации, имеющих некомопозиционный, семантически неразрешимый характер. Научные дискурсы становятся все более подвержены идиосинкразии и диверсификации: в плане содержания и в плане формы они все более несут на себе черты приватности, принадлежности к отдельной группе ученых, формации, школе и т.п.⁹

Для аберрантных дискурсов характерна диссеминация — разрушение единства содержательной структуры сообщения и, как следствие, отсутствие транспарантных критериев его семантической интерпретации (см. Nycz 2000: 60). Постмодернисты отвергают концепцию значения, закодированного в тексте и декодируемого в акте восприятия. Напротив, семантическая интерпретация сообщения ставится в зависимость от контекста, при этом отсутствуют алгоритмы или директивы селекции альтернативных интерпретаций (см. Abrams 2000: 219).

Аберрантные и, по своей сути, гибридные, эклектические дискурсы являются следствием трансгрессии, в основе которой лежит концептуальная проекция одной предметной области на другую. Одним из, вероятно, неизбежных продуктов трансгрессии является «заумный язык» — заимствованная их других дисциплин терминология, непонятная для большинства специ-

⁹ Эта ситуация во многом напоминает приватную коммуникацию на интернет-платформах социальных сетей.

алистов в данной области. Такое положение дел известно в случае лженауки, которая формулирует проблемы и постулаты таким образом, чтобы их нельзя было подвергнуть критике (Dupré 2008: 156). Как уже упоминалось в пункте 1, такой характер имеют многие тексты современных французских интеллектуалистов, особенно представителей психоаналитического и семиотического направлений.

В такого рода аберрантных дискурсах мы обычно имеем дело с чрезмерной экстраполяцией, а также с необоснованной аналогией, что в психиатрии считается симптомом бредового расстройства (см. Metzinger 2003: 376). В теории аргументации такие формы поведения трактуются как ошибки. Например, аналогия считается ошибочной без достаточной верификации свойств, лежащих в ее основе (Szymanek 2008: 82). Другая ошибка касается количественного параметра сопоставляемых предметных областей: она совершается в тех случаях, когда эти области не сопоставимы по своему формату.

Девиантные формы аргументации можно наблюдать в работах по когнитивной и антропологической лингвистике. В языкознании последних десятилетий наблюдается тенденция к избеганию языка (Kiklewicz 2007: 43): ослаб интерес исследователей к формальной стороне языковых единиц, и, напротив, их внимание переключилось на функциональный и, прежде всего, интерактивный аспект, т.е. их взаимодействие с окружением: социальной системой, культурными нормами и стереотипами, познавательной системой и др. Категориальный аппарат лингвистики всё больше ставится в зависимость от других наук: психологии, социологии, антропологии, культурологии.

На избегание языка указывает состояние современной антропологической лингвистики, в частности, этнолингвистики. Ее непосредственным предметом является антропология повседневности, особенно применительно к региональным культурам, собственно же лингвистический компонент исследований вторичен. Например, трудно усмотреть лингвистическую проблематику в научной публикации под названием *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян* (Журавлев 1994). То же касается публикации под названием *Культ хлеба у восточных славян. Опыт этнолингвистического исследования* (Страхов 1991), хотя обе работы квалифицируются как этнолингвистические. Алла А. Камалова и Любовь А. Савелова, авторы моно-

графии *Лингвокультурологическое описание северной русской деревни* (2007), несмотря на присутствие элемента лингво- в названии книги, уделяют слишком мало внимания языковым свойствам архангельского диалекта — в основном, описывается материальная и духовная культура его носителей. Много места в монографии, например, занимает описание символических значений предметов быта, ритуалов и ритуальных текстов, но это не имеет прямого отношения ни к плану выражения, ни к плану содержания единиц русского языка.

4. КОГНИТИВНЫЕ ФАНТОМЫ

Чрезмерная экстраполяция является также чертой современной когнитивной лингвистики. Она заключается в том, что лингвистические объекты интерпретируются в терминах когнитивной психологии, но это, во-первых, не подкрепляется какой-либо психологической верификацией, а во-вторых, многие когнитивные апелляции лишены какой-либо реальной опоры в языковом материале. В современной когнитивной лингвистике практически отсутствует метод эксперимента, который был главным инструментом психолингвистических исследований — вместо этого ученые занимаются спекулятивным конструированием «когнитивных моделей». Формами представления такого рода информации являются графы, схемы, концептуальные проекции, ассоциативные сети и т.п. (подробный анализ методов когнитивной лингвистики см. в работе: Kikiewicz 2012: 106 и др.). Они не имеют отношения ни к языковой компетенции, ни к психологическому аспекту языковой деятельности, что признает один из ведущих американских представителей когнитивизма Рональд Лангакер:

Концептуализацию можно рассматривать с двух точек зрения: феноменологической или с точки зрения когнитивных процессов (обработки информации). Мы можем пытаться описать наш ментальный опыт «как таковой» (*per se*) или с точки зрения когнитивных процессов, лежащих в его основе. Когнитивная семантика сосредоточилась на первой перспективе, которая, конечно же, более доступна благодаря опоре на языковые данные. [...] Несмотря на быстрый прогресс в этой области [когнитологии], достоверное и подробное объяснение того, как специфические языковые структуры обрабатываются в нейрофизиологическом плане, остается долгосрочной целью (Langacker 2008: 31).

Когнитивная лингвистика сосредоточена только на отдельных аспектах познавательной деятельности, прежде всего — на моделях категоризации; при этом в стороне остаются не менее важные, связанные с языком функции интеллекта: мышление, логический вывод, воображение, внимание, память.

В исследовательском методе когнитивной лингвистики можно усматривать логическую ошибку *fallacia accidentis* — смешение существенного со случайным. Некоторое общее правило, сформулированное применительно к предметной области *A*, механически экстраполируется на частные случаи — предметные области *B*, *C*, *D* и т.д., без учета их специфики и обстоятельств, которые должны приниматься во внимание, чтобы можно было модифицировать способ интерпретации общего правила (подробнее см. Szymanek 2008: 145). Эту ошибку можно, например, наблюдать в работах, связанных с теорией концептуальных метафор, которая опирается на предпосылку о том, что одним из модулей человеческой познавательной системы являются метафорические проекции (англ. *mapping*), т.е. интерпретации одной категории с точки зрения другой (по аналогии). Эта идея получила развитие в 1980-х годах, особенно благодаря публикациям американского когнитолога Марвина Минского (Minsky 1984: 183 и др.). На основе этого общего тезиса делается вывод (своего рода антиципация) о том, что система номинации в естественных языках по своей природе метафорична. Принадлежащие к этой формации лингвисты убеждены, что, исследуя лексическую сочетаемость слов (выражения типа *в моей душе росли чувства*), можно смоделировать систему метафорических проекций (ЧУВСТВА — ЭТО РАСТЕНИЯ и т.п.), лежащих в основе психосемантики языка.

Предложенная Лакоффом и Джонсоном (Lakoff, Johnson 1980) теория концептуальных метафор, несмотря на ее огромную популярность в Северной Америке и Западной Европе (особенно в 90-е годы прошлого столетия), фактически представляет собой одну из величайших научных мистификаций: ни создатели этой теории, ни их сторонники и последователи не представили никаких доказательств того, что метафорические проекции типа ЧУВСТВА — ЭТО РАСТЕНИЯ являются реальными фактами языковой компетенции или интеллектуальной деятельности. В русском языкознании теория концептуальных метафор была подвергнута обоснованной критике с точки зрения московской семантической школы (Апресян, Апресян 1993).

Психологическую основу метафорических выражений и явления метафоры в целом следует связывать с понятием семантического прототипа. Прототип в когнитивной семантике означает понятие о предмете (экземпляре некоторого множества), «проявляющем в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы» (Демьянков 1996: 140). Идею интерпретации идиоматических выражений с помощью понятия прототипа, а также понятия базового уровня категоризации ранее высказывал Дмитрий О. Добровольский (Dobrowol'skij 1995: 89 и др.). Рассмотрим пример из работы упомянутого исследователя. В немецком языке употребляется фразеологизм *polnische Wirtschaft*, который дословно означает 'польская экономика', но имеет и более общее значение 'хаос, беспорядок'. В данном случае реализуется прототипическое (относящееся к прошлому, т.е. ко времени происхождения фразеологизма) представление немцев о беспорядке (польская экономика как характерный пример отсутствия порядка и организации). Добровольский подчеркивает, что такого рода концептуальные метафоры возникают в условиях национальной культуры, поэтому их содержание имеет этноспецифический характер. Например, немецкий фразеологизм *der goldene Mittelweg* 'оптимальное решение проблемы' связан с концептом 'золото', которое в европейских культурах относится к числу наиболее ценных материалов.

Ирина М. Кобозева (2012), которая пишет, что концептуальные метафоры «должны обеспечивать возможность осмысления недискретных феноменов (гор, труда, инфляции и т.п.) в терминах дискретных сущностей или веществ», в то же время указывает на существование метафор, которые не соответствуют этому принципу восхождения от конкретного к абстрактному. Это касается, например, зоономических метафор типа: *Собакевич был совершеннейший медведь*.

По мнению Кобозевой, «люди и звери в равной мере — дискретные сущности». Может казаться, что приведенное выше выражение реализует метафорическую модель ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЖИВОТНОЕ, однако смысл выражения заключается в том, чтобы дать человеку характеристику, ссылаясь на животное как ее прототип. Другими словами, «метафора медведя» реализует прототипический эффект, который заключается в представлении признака 'неуклюжий, неповоротливый' с помощью конкретного понятия <медведь>.

Сама идея «метафор, которыми мы живем» (англ. *metaphors we live by*) противоречит действительности, так как многие метафорические выражения, вопреки убеждениям когнитивистов, имеют ограниченный, стилистически маркированный характер и относятся к книжному, публицистическому, риторическому или поэтическому стилю. В частности, это касается метафорического выражения эмоций: *страх за душу берет; у страха глаза велики; преодолевать страх; под страхом смерти; потерять страх; страх берет; охватил страх; кем-л. руководит страх; держать в страхе* и др.

Трудно также согласиться с распространенным среди когнитивистов мнением, что такого рода метафорические выражения выполняют познавательную функцию. Это было бы возможно при условии, что метафора является единственным способом номинации, но в случае, когда существуют номинаты неметафорического типа (например, глагол *бояться*), фигуративные выражения типа *испытывать страх* не вносят новой информации о десигнатах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новую парадигму в современных гуманитарных, в том числе и филологических науках отличает холистический подход — стремление к тому, чтобы представить объект во всем множестве его функциональных связей (другими словами — контекстоцентризм). Применительно к языкознанию это означает ориентацию исследований на так называемые мотивационные контексты, к которым относятся: ментальная репрезентация мира (когниция), прагматическая установка, культурная программа и социальная система. Смена предмета исследования находит отражение в методах. Отныне не пользуются популярностью методы формализации, моделирования, эксперимента, зато массовый характер приобрели методы, основанные на интуиции, например, визуальное конструирование когнитивных моделей. Наблюдается стирание границ между предметными областями и спекуляция информацией трансгрессивного характера. Отсутствуют критерии делимитации объектов исследования (например, таких, как значение — понятие — концепт), а модели описания объектов одной предметной области некритически пе-

реносятся на объекты других областей. Симуляция проявляется в том, что обращение к альтернативным предметным областям и эксплуатирование соответствующей терминологии имеет поверхностный и спекулятивный характер — его целью является персуазивное воздействие на субъектов. За глобальностью решаемых проблем зачастую скрывается дилетантизм, который с постмодернистской точки зрения трактуется положительно — как преимущество исследователей, которые отдают предпочтение воображению перед анализом и аргументацией. В системе научной деятельности особое значение приобрел социальный аспект — принадлежность ученых к группе (формации, школе и т.д.). В этом контексте познавательная ценность деятельности ученого сводится к воспроизведению понятий, проблем, источников, цитат и т.д., культивируемых в пределах определенной группы; это в первую очередь обеспечивает цитируемость публикаций и соответствующий *impact factor*.

Нет ничего удивительного в том, что анализируя современную когнитивную лингвистику, провозглашаемую некоторыми лингвистами как новую парадигму, Алексей Т. Кривоносов пишет:

Лингвистика вступила в период застоя. [...] Это лингвистическое направление в его сегодняшнем виде предстает как совершенно неконструктивная говорильня, сплошь и рядом сотканная из общих «когнитивных» фраз, ни к чему конкретно не привязываемых. Сегодняшний спор вокруг «когнитивной лингвистики» напоминает средневековый спор философов-схоластов на тему: «Сколько верблюдов можно продеть сквозь игольное ушко»? Или: «Сколько чертей поместится на острие иглы»? (2010: 150 и др.).

С другой стороны, известно, что история ошибок и неудач в науке так же продолжительна, как и история открытий и успехов. Кроме того надо помнить, что в истории научных парадигм периоды эмпиризма и рационализма чередовались. Современная постмодернистская парадигма наследовала многие черты романтизма, но на смену романтизму в XIX веке пришел позитивизм и — позднее — модернизм. Можно, следовательно, ожидать, что и эпоха, главной идеей которой является «всё дозволено», отойдет в прошлое.

Наконец, следует отметить, что влияние постмодернизма на филологические науки не является одинаково сильным во

всех странах и регионах. Наиболее заметно это влияние в странах Восточной Европы, Средней Азии, Китае, а из стран Центральной Европы — в Болгарии и Польше. Однако, например, в Чехии и Словакии лингвокультурология или когнитивная лингвистика не пользуются популярностью. В последнее десятилетие в США не была издана ни одна монография в области культурной лингвистики — обоснование такого положения дел находим в работе: Stangor, Schaller 1999: 21. В Германии этнолингвистические публикации, главным образом, появляются в среде русистов.

В заключении следует подчеркнуть, что критика постмодернизма в современной лингвистике не должна ставить под сомнение актуальность и целесообразность изучения языка с точки зрения его функционирования, в его социальном, психологическом, прагматическом и антропологическом аспекте.

BIBLIOGRAFIA

- Abrams, Meyer Howard. "Ustalenie i dekonstruowanie." *Dekonstrukcja w badaniach literackich*. Ed. Ryszard Nycz. Kraków: Universitas, 2000.
- Apresyan, Valentina, Apresyan, Yuriy. "Metafora v semanticheskom predstavlenii emociy." *Voprosy yazykoznaveniya* 1993 no. 3 [Апресян, Валентина, Апресян, Юрий. "Метафора в семантическом представлении эмоций". *Вопросы языкознания* 1993, no. 3].
- Baudrillard, Jean. *Simulations*. New York: Semiotext, 1983.
- Berger, Piter, Lukman, Tomas. *Social'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya*. Moskva: Medium, 1995 [Бергер, Питер, Лукман, Томас. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум, 1995].
- Bobrowski, Ireneusz. "Czy kognitywizm jest naukowy? O lingwistyce kognitywnej z punktu widzenia dwudziestowiecznych koncepcji nauki." *Biuletyn PTJ* 1995 no. LI.
- Bobrowski, Ireneusz. *Zaproszenie do językoznawstwa*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN 1998.
- Caldarola, Victor. "Embracing the Media Simulacrum." *Visual Anthropology Review* 1994 no. 10/1.
- Dem'yankov, Valerij. "Interpretaciya kak instrument i kak ob'ekt lingvistiki." *Voprosy filologii* 1999, no. 2 [Демьянков, Валерий. "Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики." *Вопросы филологии* 1999, no. 2].
- Dem'yankov, Valeriy. "Dominiruyushchiye lingvisticheskiye teorii v konce XX veka." *Yazyk i nauka konca 20 veka*. Ed. Yu. Stepanov. Moskva: Institut yazykoznaveniya RAN, 1995 [Демьянков, Валерий. "Доминирующие лингвистические теории в конце XX века". *Язык и наука конца 20 века*. Ред. Ю.С. Степанов. Москва: Институт языкознания РАН, 1995].

- Dem'yan'kov, Valeriy. "Ponyatyie i koncept v khudozhestvennoy literature i v nauchnom yazyke." *Voprosy filologii* 2001 no. 1 [Демьянков, Валерий. "Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке." *Вопросы филологии* 2001 no. 1].
- Dem'yan'kov, Valeriy. "Prototipicheskiy podkhod." *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. Ed. E. Kubryakova. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1996 [Демьянков, Валерий. "Прототипический подход". *Краткий словарь когнитивных терминов*. Ред. Е.С. Кубрякова. Москва: Издательство МГУ, 1996].
- Dobrovolskiy, Dmitriy. *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen: Narr-Verlag, 1995.
- Dupré, Ben. *50 teorii filozofii, które powinienes znać*. Warszawa: PWN, 2008.
- Fleischer, Michael. *Koncepty — elementy sterujące komunikacji*. Wrocław: Atut, 2008.
- Gasparov, Boris. "V poiskakh 'drugogo' (Francuzskaya i vostochnoevropayskaya semiotika na rubezhe 1970-kh godov)." 30 April 2019 <<http://teneta.rinet.ru/rus>> [Гаспаров, Борис. "В поисках 'другого' (Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов)." 30.04.2019. <<http://teneta.rinet.ru/rus>>].
- Genis, Aleksandr. *Kul'turologiya. Raz!*. Moskva: Podkova, 2002. [Генис, Александр. *Культурология. Раз!*. Москва: Подкова, 2002].
- Gibbs, Raymond, and Teenie Matlock. "Psycholinguistic Perspectives on Polysemy." *Cognitive Linguistics. Selected Papers from the Fifth International Cognitive Linguistics Conference* (1997). Rpt. in Ed. Hubert Cuyckens and Britta Zawada. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.
- Goćkowski, Janusz. "Siedem powinności zawodowego uczonego." *Zagadnienia Naukoznawstwa* 2009 no. XLV/3–4.
- Gómez, Rocio. "Simulation/Simulacra." *The Encyclopedia of Literary and Cultural Theory*. Ed. Michael Ryan. New York: Wiley, 2011: 1279–282.
- Grays, Gerbert Pol. "Logika i rechevoye obshcheniye." *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. 16: Lingvisticheskaya pragmatika*. Ed. Paducheva, E. Moskva: Progress, 1985 [Грайс, Герберт Пол. "Логика и речевое общение." *Новое в зарубежной лингвистике. 16: Лингвистическая прагматика*. Ред. Е.В. Падучева. Москва: Прогресс, 1985].
- Halliday, Michael, Alexander Kirkwood. *Collected Works of M.A.K. Halliday*. Vol. 2. London–New York: Bloomsbury, 2002.
- Hochbruck, Wolfgang. "Amerikanische politische Rhetorik in der Postmoderne: (noch) keine neue 'Word order'." *Sprache und Literatur* 1995 no. 75/76.
- Jameson, Frederic. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press 1993.
- Kamalova, Alla, and Savyëlova, Lyubov'. *Lingvokul'turologicheskoye opisanije severnoy russkoy derevni*. Arkhangel'sk: Izdatel'stvo Arkhangel'skogo universiteta, 2007 [Камалова, Алла, Савёлова, Любовь. *Лингвокультурологическое описание северной русской деревни*. Архангельск: Издательство Архангельского университета, 2007].
- Karau'lov, YUrij. "Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya." *Yazyk i lichnost'*. Ed. Karau'lov, Yuriy. Moskva: Nauka, 1989 [Караулов, Юрий. "Русская языковая личность и задачи ее изучения". *Язык и личность*. Ред. Ю. Караулов. Москва: Наука, 1989].

- Kholodnaya, Marina. *Kognitivnyye stili. O prirode individual'nogo uma*. Moskva: PerSe, 2002 [Холодная, Марина. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Москва: PerSe, 2002].
- Kibrik, Aleksandr. "Tri akhillesovy pyaty funkcionalizma." *Tipologiya i teoriya yazyka. Ot opisaniya k ob'yasneniyu*. Ed. Rakhilina Yekaterina, Testelec Yakov. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury, 1999 [Кибрик, Александр. "Три ахиллесовы пяты функционализма." *Типология и теория языка. От описания к объяснению*. Ред. Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец. Москва: Языки русской культуры, 1999].
- Kiklewicz, Aleksander. "V kakom smysle yazyk determinirovan kul'turoy? O predmete i granicach lingvokul'turologii (II)." *Przeegląd Rusycystyczny* 2016 no. 1 (153). [Kiklewicz, Aleksander. "В каком смысле язык детерминирован культурой? О предмете и границах лингвокультурологии (II)." *Przeegląd Rusycystyczny* 2016 no. 1 (153).].
- Kiklewicz, Aleksander. *Aspekty teorii względności lingwistycznej*. Olsztyn: CBEW, 2007.
- Kiklewicz, Aleksander. *Znaczenie w języku — znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*. Olsztyn: CBEW, 2012.
- Kobozeva, Irina. "K formal'noy reprezentacji metafor v ramkakh kognitivnogo podkhoda." 30 April 2019 <<http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7339&y=2002&vol=6077>> [Кобозева, Ирина. "К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода." 30.04. 2019 <<http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7339&y=2002&vol=6077>>].
- Kovshova, Mariya. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii*. Moskva: URSS, 2013. [Ковшова, Мария. *Лингвокультурологический метод во фразеологии*. Москва: URSS, 2013].
- Krivososov, Aleksey. "Spornoye v kognitivnoy lingvistike." *Koncepty kul'tury v yazyke i tekste: teoriya i analiz*. Ed. A. Kiklevich, A. Kamalova. Olsztyn: CBEW. [Кривонососов, Алексей. "Спорное в когнитивной лингвистике." *Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ*. Ред. А. Киклевич, А. Камалова. Olsztyn: CBEW].
- Kroeber, Alfred Louis and Kluckhohn, Clyde. *Culture: a critical review of concepts and definitions*. Cambridge: Peabody Museum, 1952.
- Kuczyński, Marek. "Transfuzja semantyczna jednostek leksykalnych a rola mediów." *Aspekty współczesnych dyskursów*. Ed. Piotr Chruszczewski. Kraków: Tertium, 2004.
- Lakoff, George and Johnson, Mark. *We Live By*. Chicago—London: University of Chicago Press, 1980.
- Langacker, Ronald. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press, 2008.
- Leezenberg, Michiel. *Contexts of Metaphor*. Amsterdam—London—New York et al.: Elsevier, 2001.
- Metzinger, Thomas. "Phenomenal transparency and cognitive self-reference." *Phenomenology and the Cognitive Sciences* 2003 no. 2.
- Migdal, Arkadiy. "Otlichima li istina ot lzhi?" *Nauka i zhizn'* 1982 no. 1. 60–67. [Мигдал, Аркадий. "Отличима ли истина от лжи?" *Наука и жизнь* 1982 no. 1].
- Minsky, Marvin. "Jokes and the logic of the cognitive unconscious." *Cognitive Constrains on Communication*. Ed. Jaakko Hintikka and Lucia Vaina. Dordrecht: Springer, 1984.

- Nycz, Ryszard. *Tekstowy świat. Poststrukturalizm a wiedza o literaturze*. Kraków: Universitas, 2002.
- Shmelev, Aleksey. "Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya?" 30 April 2019 <<http://www.ruslang.ru/doc/shmelev2013.pdf>> [Шмелев, Алексей. "Язык и к культура: есть ли точки соприкосновения?" 30.04.2019. <<http://www.ruslang.ru/doc/shme?lev2013.pdf>>]
- Sokal, Alan and Bricmont, Jean. *Modne bzdury. O nadużywaniu pojęć z zakresu nauk ścisłych przez postmodernistycznych intelektualistów*. Transl. P. Amsterdamski. Warszawa: Prószyński i S-ka, 1998.
- Stangor, Charles, and Mark Schaller. "Stereotypy jako reprezentacje indywidualne i zbiorowe." *Stereotypy i uprzedzenia*. Ed. C. Neil Macrae and Miles Hewston. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 1999.
- Strakhov, Aleksandr. *Kul't khleba u vostochnykh slavyan: opyt etnolingwisticheskogo issledovaniya*. München: Sagner Verlag, 1991. [Страхов, Александр. *Культ хлеба у восточных славян: опыт этнолингвистического исследования*. München: Sagner Verlag, 1991].
- Subetto, Aleksandr. Ed. *Leninskaya teoriya imperializma i sovremennaya globalizaciya*. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Asterion, 2003 [Субетто, Александр. Ред. *Ленинская теория империализма и современная глобализация*. Т. 2. Санкт-Петербург: Астерион, 2003].
- Szymanek, Krzysztof. *Sztuka argumentacji. Słownik terminologiczny*. Warszawa: PWN, 2008.
- Tabakowska, Elżbieta. *Gramatyka i obrazowanie. Wprowadzenie do językoznawstwa kognitywnego*. Kraków: Wydawnictwo Oddziału Polskiej Akademii Nauk, 1995.
- Tabakowska, Elżbieta. *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. Kraków: Universitas, 2001.
- Toshovich, Branko. "Stil' i diskurs: skhodstva i razlichiya." *Stylistyka 2014* no XXIII [Тошович, Бранко. "Стиль и дискурсе: сходства и различия." *Stylistyka 2014* no XXIII].
- Wojtak, Maria. "Dyskurs asekuracyjny w dyskursie naukowym." *Dyskurs naukowy – tradycja i zmiana*. Ed. Stanisław Gajda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1999.
- Zhivov, Viktor, Timberleyk, Alan. "Rasstavayas' so strukturalizmom (tezisy dlya diskussii)." *Voprosy yazykoznaniiya* 1997 no. 3. 3–14. [Живов, Виктор, Тимберлейк, Алан. "Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии)." *Вопросы языкознания* 1997 no. 3].
- Zhumabekova, Aygul', Kilevaya, Lyudmila. *Struktura sovremennogo yazykoznaniiya*. Almaty: Ulagat, 2015. [Жумабекова, Айгуль, Килева, Людмила. *Структура современного языкознания*. Алматы: Улагат, 2015].
- Zhuravlev, Anatoliy. *Domashniy skot v pover'yakh i magii vostochnykh slavyan. Etnograficheskiye i etnolingvisticheskiye ocherki. Moskva: Yazyki russkoy kul'tury*, 1994. [Журавлев, Анатолий. *Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки*. Москва: Языки русской культуры, 1994].

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АВАНГАРДИЗМ...

Aleksander Kiklewicz

POSTMODERNIZM W JĘZYKOZNAWSTWIE ROSYJSKIM XXI WIEKU

Streszczenie

Autor rozważa wpływ postmodernizmu na współczesne nauki humanistyczne, zwłaszcza na językoznawstwo. Główną tezę pracy można sformułować następująco: postmodernizm przyczynia się do tego, że w językoznawstwie rozpowszechniają się takie tendencje jak niedookreślenie przedmiotu badań, rezygnacja z dyrektyw systemu języka, unieważnienie wymogów stylu naukowego, łamanie wymogu sprawdzalności twierdzeń, łamanie zasady kooperacji, symulacja interdyscyplinarności, pseudo-globalizm, powierzchowność. Autor analizuje obecność postmodernizmu w językoznawstwie na przykładzie kilku jego współczesnych kierunków: lingwokulturologii, etnolingwistyki, semantyki kognitywnej, dyskursologii.

Aleksander Kiklewicz

POSTMODERNISM IN RUSSIAN LINGUISTICS IN XXI CENTURY

Summary

The author considers the impact of postmodernism on the contemporary humanities, especially on the theoretical linguistics. The main thesis of the paper can be formulated as follows: postmodernism contributes to the fact that in linguistics increasingly there are such tendencies, like mudding the subject of research, dispense with the 'directives of language', i.e. the disuse of conventional scientific language, violations of the requirement of statements verifiability, breaking the rules of communication. The author examines the elements of postmodern science on example of several directions of modern linguistics: cultural linguistics (linguoculturology), ethnolinguistics, anthropological linguistics, cognitive linguistics, and discourse linguistics.